

НАША СТРАНА

Год издания—48-ой. Буэнос Айрес, суббота 16 декабря 1995

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 16 de diciembre de 1995 № 2366

ВИКТОР БОРТНЕВСКИЙ (Санкт Петербург)

СЛЕДУЕТ ЛИ ЭМИГРАНТАМ ПЕРЕДАВАТЬ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕЛИКВИИ В РОССИЮ?

В издающейся в Сан Франциско газете „Русская Жизнь“ 21 июня было опубликовано письмо „старого эмигранта-подписчика“ с критикой выдвинутой на страницах газеты инициативы передачи исторических документов, реликвий и военных наград в музей, который предполагается создать во Владивостоке. Как историк Белого движения и Белой эмиграции, а также редактор альманаха „Русское прошлое“, публикующего в значительной степени архивные документы Русского Зарубежья, я хотел бы высказаться по этому поводу свои соображения.

Кому же все-таки принадлежат эти исторические реликвии — России или тем странам, где волею исторических катаклизмов оказались миллионы русских людей после большевицкого переворота и братоубийственной Гражданской войны (в частности, — Соединенным Штатам Америки)?

„Старый эмигрант-подписчик“ считает, что „все накопленные и сохранившиеся документы, реликвии и мемуары являются русским вкладом в здание американской культуры“. Думаю, что так можно говорить лишь о материалах чисто эмигрантского происхождения, а вовсе не об исторических реликвиях Императорской России, Великой войны, Белого движения — они-то уж никакого отношения к „американской“ культуре не имеют и, несомненно, принадлежат России как исторической родине русских американцев (правда, именно России, а не нынешней „Российской Федерации“).

Из всего этого, впрочем, не следует делать сразу скоропалительного вывода о необходимости передавать все, и чем раньше, тем лучше!

Прежде всего, надо отдельно говорить о личных семейных коллекциях и о собраниях, хранящихся в различных русских организациях. Считаю, что личные коллекции и семейные архивы просто незаменимы в воспитании детей, на привитии им чувства своей личной причастности к русской и мировой истории через материалы своих родных, близких и далеких предков. В большевицкой России большинство семей десятки лет были лишены этой возможности, в Русском же Зарубежье далеко не все имевшейся возможностью пользовались, а потом удивлялись „американизации“ своих детей и внуков. Семейные реликвии (если, конечно, они не представляют какой-то очевидной исторической ценности общероссийского или мирового значения) желательно сохранять в самих семьях, будь то в России или за ее пределами, беречь для будущих поколений — разумеется, при условии наличия условий и личной заинтересованности в хранении. Что же касается различных общественных, культурных и религиозных организаций Русского Зарубежья (Музей Русской Культуры, Музей Общества ветеранов Великой войны и Общекадетского объединения в Сан Франциско, Му-

зей общества „Родина“ и Казачий музей в Нью Джерси, Музей и архив Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле и многие другие), то Россия должна отдать им должное за само спасение множества исторических реликвий — вне зависимости от решения вопроса их передачи учреждениям „Российской Федерации“.

Желание некоторых членов эмигрантских организаций поскорее отправиться на родину столь долго и усердно хранимые ими реликвии можно объяснить различными причинами. Это и недостаточный (мягко говоря!) интерес к продолжению их дела со стороны русско-американской молодежи. Это и собственный почтенный возраст, нехватка средств на ремонт помещений, наем квалифицированных исследователей и хранителей. Это и определенная идеализация ими положения в современной России, переоценка степени значимости многих чисто внешних атрибутов державности и православия, недооценка роли старой партийно-советской номенклатуры, влиятельности преступных группировок, в частности — промышленяющих культурно-историческими реликвиями.

При принятии решения о целесообразности передавать куда-либо исторические реликвии необходимо иметь определенные ответы по крайней мере на следующие вопросы:

1. Как будет обеспечен их учет и физическое хранение?

2. Будет ли обеспечен свободный доступ к ним всех интересующихся вне зависимости от политической, партийной, должностной принадлежности, а также финансовых возможностей?

3. Будет ли обеспечена свобода использования переданных материалов в научной, литературной, педагогической и иной деятельности?

К сожалению, применительно к сегодняшней России нельзя ответить положительно ни на один из трех поставленных вопросов.

Российское правительство выделяет в госбюджете лишь крохи на культуру, образование и науку. Крупнейшие российские музеи, архивы, библиотеки годами не могут завершить ремонт помещений, установить современное противопожарное оборудование и сигнализацию в хранилищах. Чего стоит только гибельный пожар в Библиотеке Академии Наук, Институте русской литературы в Петербурге, Музее-усадьбе Владимира Набокова, многолетняя ремонтно-обвальная эпопея в бывшей Ленинской Библиотеке — самой крупной в стране, постоянные пропажи экспонатов в Эрмитаже и Русском музее или недавняя скандальная кража ценнейших старинных книг и рукописей в Национальной Библиотеке России!

Зарплата научных сотрудников, хранителей и вообще всего обслуживающего персонала низка до неприличия (даже по крайне умеренным российским меркам). И вот уже администрация некоторых архивов

под предлогом заботы о своих служащих начинает взимать плату за пользование теми или иными коллекциями, фантастически взвинчивая оплату ксерокопирования (порой свыше 5 долларов за страницу), устанавливает грабительские пошлины за право публикации своих документов. Разумеется, это бьет прежде всего по материально бедствующим русским ученым, серьезно препятствуя (а порой и приостанавливая) их научную деятельность.

В России, как известно, отсутствует Закон об Архивах. Впрочем, думаю, что даже и принятие вполне хорошего и современного закона не скоро изменит сложившуюся годами практику административного произвола. Никто в действительности не знает, что будет с получаемыми из-за рубежа историческими реликвиями — сколько лет будут они на каталогизации и регистрации (так, одна из недавно переданных из США частных архивных коллекций оказалась закрытой „лет на восемь“), что будет открыто для всех, а что останется в запасах или передано в другие места, в каком контексте и с какой целью будут использованы экспонаты в просветительской деятельности (имел, например, место факт демонстрации переданных реликвий Бедых Воеинов на музейной выставке в разделе „Трофеи Красной армии“). В коммунистическом СССР имелась целая иерархия доступа и допусков к тем или иным материалам, так что ответы типа „не выдается“, „нужен допуск иной формы“, „дело на секретном хранении“ звучали часто и откровенно. Ныне время иное: вам могут просто „не найти“ дела, ответить, что „в хранилище нет света“, „залито водой“, „травят крысы“, „красят стены“ и т. п. Жаловаться бессмысленно, да и некуда. Кстати, в последнее время многие наиболее часто используемые исследователями коллекции стали закрываться на переучет, каталогизацию, а то и сносить на особое хранение. Все чаще и чаще административная восприимчивость хранящиеся в музеях или архивах материалы как свою корпоративную собственность, из коей можно при желании извлечь валюту, коммерческие связи, заграничные командировки. И вот, обычно совместно с западными коллегами, подписываются контракты с предоставлением эксклюзивных прав на издание документов с обязательным закрытием „посторонним“ доступа к ним до их публикации. Конечно, как обычно, часто все решает личные связи, а через них — взятки, а поэтому и здесь у простого русского ученого возможностей немного.

Я мог бы еще долго продолжать, но, наверное, и сказанного достаточно, а я ведь еще ничего не сказал о столь важном (возможно, и самом главном) сдерживающем факторе, как крайняя нестабильная политическая ситуация в современной России.

Думаю, что если уж так хочется попечителям эмигрантских музеев и архивов в Америке передать свои

документальные коллекции в Россию, то думаю, разумнее всего было бы пока передавать их копии, а оригиналы продолжать хранить у себя и не стесняться подавать прошения в многочисленные благотворительные фонды — так делают практически все их американские коллеги, желающие сохранить свои местные исторические реликвии. Кроме того в Америке, как известно, имеется ряд уникальных архивных собраний русских документов общемирового значения — такие как Гуверовский институт Стэнфордского университета, Бахметьевский архив Колумбийского университета, Отдел рукописей Библиотеки Конгресса, библиотек Гарвардского, Йельского и других университетов, имеющих высокую репутацию в научном мире. Как правило, они с большим уважением относятся к условиям, выдвинутым при передаче документальных собраний, а таковыми могли бы быть и изготовление копий для отправки в Россию, и порядок выдачи документов исследователям, и много другое.

Немало широко известных американско-русских коллекций могли бы быть логически дополнены тем, что пока еще хранится на руках или в эмигрантских организациях. Так, в Гуверовском архиве, который, я считаю, образцовым во всех отношениях документальным хранилищем, находятся уникальные и обширные собрания генерала П. Н. Врангеля и его матери — баронессы М. Д. Врангель. Совсем недавно они были дополнены новым поступлением — их личной семейной перепиской, переданной живущими в Америке наследниками Белого Вождя.

В заключение, я не могу не приветствовать идею создания музея во Владивостоке как хорошую инициативу местного значения. Конечно же до жителей Приморья, столь далекого от главных политических центров России, необходимо „донести правду о судьбах многих и многих соотечественников, вынужденных покинуть родину после событий 1917 года“. Тем не менее, по изложенным выше причинам, считаю нецелесообразным организовывать подобный музей путем проведения кампании жертвования исторических реликвий в „Фонд музея русской эмиграции“. Нет никаких оснований полагать, что нынешнее положение и система работы учреждений культуры Владивостока отличаются в лучшую сторону от Москвы и Петербурга. Вряд ли стоит игнорировать и обширную информацию о деятельности мафиозных структур Приморского края. И, наконец, я полностью согласен со „старым эмигрантом-подписчиком“ в том, что, если действительно уникальные материалы и реликвии осядут во Владивостоке, то они по причинам крайней удаленности и непомерно высоких транспортных цен, окажутся практически недоступными для огромного большинства ученых, писателей, да и всего населения пока еще необъятной России.

Виктор Бортневский

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

РОДНОЙ ЯЗЫК В ОБСТАНОВКЕ ИЗГНАНИЯ

В статье „На каком языке говорить с детьми?“ в „Новом Русском Слове“ от 9 сентября 1995 года, О. Сулькин сообщает нам о чудовищном инциденте в США: некий судья Кайзер в Техасе пригрозил женщине, мексиканке по происхождению, но живущей в Северной Америке, Марте Лауреано, отобрать у нее ее 5-летнюю дочь, за то, что она с той дома разговаривает по-испански, а не по-английски!

Происшествие вызвало вполне понятное внимание — и возмущение! — в испаноязычном мире, о чем свидетельствует заметка в буэнос-айресской газете „La Nación“ от 5 ноября, „La guerra del castellano“.

Но оно, понятно, касается не только мексиканцев, порториканцев или беженцев с Кубы, оказавшихся волею судьбы в Соединенных Штатах; оно касается всех жителей этой страны, имеющих родным языком не английский, а иной; в том числе и русских. Притом не только более или менее новоприбывших, а даже и осевших там давно, — если они желают сохранять свои национальные традиции.

Положим, настолько наглое вторжение в область личной и семейной жизни, вроде бы до сей поры не имело прецедентов. В Европе, Азии, Южной Америке до такого как будто еще никогда не доходило.

Принуждение к денационализации тяготело везде над детьми, начиная с школьного возраста и в виде давления окружающей среды.

Об этих именно проблемах и трактует, в основном, О. Сулькин, с которым мы во многом не можем согласиться.

Рассуждая явно с точки зрения третьей волны, он говорит следующие:

„Есть родители, действующие по методу Марты Лауреано. Они общаются с ребенком только по-русски. Кто-то — от ленивости ума, нежелания менять удобный уклад. Большинство же, убежден, из отчаянного желания сохранить хотя бы дома оазис языкового комфорта, „зону безопасности“ от английского, причиняющего столько неудобств и мучений при общении со внешним миром“.

Для наших первой и второй эмиграции дело так не стояло. Движущей силой был патриотизм, любовь к родному языку и ко своему народу. Поэтому во Франции, например, большинство (хотя насколько значительное установить трудно) русских семей сохранили русский язык на протяжении двух и даже трех поколений. Что не всегда в совершенстве — вопрос иной: трудностей ведь было довольно.

Причем как общее правило (отнюдь не без изъятий!), особенно хорошо язык сохранялся в культурных семьях, где родители сами свободно владели французским, а иногда и другими иностранными языками.

Насчет практических трудностей в школе, — что-то совсем не приходилось слышать. Дети, родившиеся или выросшие во Франции, обычно свободно по-французски болтали, научившись

если не в семье, то на улице, у соседей, у товарищей по играм. В более тяжелом положении оказывались те, кто переезжал из одной страны в другую, или те, кто за границу попадал уже в школьном возрасте (как во второй волне случалось часто). Но и они, с легкостью усвоения, присущей детям, почти всегда быстро свои неудобства преодолели.

Проблема бывала в другом: как удержать знание родного языка после поступления в иноязычную школу, где приходилось говорить на иностранном.

Жаль, что как будто никто не пытался обобщить опыт, в этом отношении, по разным странам. Скажем, Франции, Германии, Италии, — и более далеким.

Похоже, что хуже всего обстоит именно в Соединенных Штатах, с их пресловутым идеалом: melting pot.

Интересно бы установить, настолько же ли плохо обстоит в иных англоязычных странах, как Канада, Австралия, сама Англия?

Впрочем, в этих вопросах, — у каждой семьи своя особая история.

Несомненно однако то, (что и О. Сулькин признает), что знание любого второго языка есть серьезное преимущество, в любой стране. Когда же речь о таком языке как русский, великом языке великого народа, то это преимущество особенно значительно, — и оно со временем только растет.

Собственный язык г-на Сулькина оставляет желать много лучшего. Неприятно читать вульгарное малышка вместо литературного, да и народного малютка. Коробит и название города (где произошла история с судьей Кайзером) Амарилло, вместо Амарильо.

Из того же „Нового Русского Слова“ мы узнаем однако, — и с немалым удовольствием! — что и в среде выходцев из России самого новейшего времени есть люди, озабоченные теми же проблемами, которые беспокоили и нас: как передать детям хорошее знание родного языка, как сохранить в них русский дух.

Мы тут имеем в виду давнюю уже статью, — в номере от 1 июля 1994 года, — Е. Вапничной „Великий и могучий или „блатная музыка““. Ее автор, явно человек высокой культуры, много интересного рассказывает, на базе своего и своих друзей и знакомых опыта, о путях передачи от старшего поколения к новому, в условиях жизни в иностранном мире, знания и любви к родной речи и неизбежно связанного с ними чувства своей национальной принадлежности.

Вот у таких людей надо учиться и им подражать! Хотя она, собственно говоря, не дает рецептов, а лишь сама ломает голову о том, как, не принуждая и не навязывая, прививать детям и подросткам верность к их природным истокам, как их ввести в духовное пространство, в каком живут их родители, и их в этом особом мире, связанном с русской литературой и русской психологией, навсегда закрепить.

Владимир Рудинский

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

ЯЗЫКОБОРЬЕ

Трудно определить чего больше в постановлении судьи Кайзера: ксенофобии или невежества. Этот типичный представитель абсурдной американской судебной системы, недавно оправдавшей явного убийцу О Джей Симпсона, заявил, что говоря со своей дочкой только по-испански ее мать-мексиканка обрекала ее на мизерное будущее служанки.

Кайзеру неизвестно, что в раннем возрасте дети впитывают в себя языки с невероятной легкостью, словно губки. Помнится, в 50-х годах журнал „Ридерс Дайджест“ поместил статью о семье Берлиц, основавшей всемирно распространенную одноименную „академию языков“. В статье повествовалось, что когда в этой семье родился ребенок, с самого начала дед говорил с ним только по-немецки, бабушка по-французски, отец по-английски, а мать по-испански. В результате к 4-летнему возрасту мальчик в совершенстве владел всеми этими языками.

Фактически все мы, представители 3-го поколения русской белой эмиграции, сперва научились говорить только по-русски, до трех-четырех лет совершенно не умея изъясняться на местном языке. Но, войдя в плотное соприкосновение с окружающей средой, в считанные дни сравнялись в лингвистических познаниях со своими туземными сверстниками. И не только никто впоследствии не стал лакеем или официантом, не только практически все заняли достойные места на социальной лестнице местного общества, но иные даже выдвинулись на нерусском литературном и публицистическом поприще.

Кайзеру, которому пришлось таки пойти на попятную со своим шемакинским постановлением — невдомек также, что борьба за сохранение языка предков в чужой стране граничит с подвигом и достойна уважения, а никак не заушения. Чтобы противостоять языковому давлению окружающей среды (учебного заведения, соседей, телевидения) родителям нужно быть целеустремленно бодрствующими каждую минуту своего пребывания с детьми. Как бы ни устали после рабочего дня и как бы их голова не была занята всякими заботами и неприятностями, им нужно постоянно поправлять детей („говори по-русски“); избегать самому сбиваться на порою вкрапляющиеся в речь иностранные обороты; немедленно переводить трудные местные слова на русский; ни один вечер не полежаться прочитать им что-либо вслух — или заставить прочитать — из литературы на русском языке. Причем делать это неукоснительно, потому что перерывы разжигают детский „бунт“ против дополнительного усилия. „Коготок увяз, всей птичке пропасть“.

Разумеется процесс овладения русским языком в случае смешанных браков, еще более сложен. Несмотря на всяческие усилия ребенок обычно начинает говорить сперва на местном языке, но если родитель продолжает настойчиво общаться с

ним только по-русски, ребенок „заряжается“ русским словарным запасом, даже если на данном отрезке времени им и не пользуется. Как правило, в таких случаях русскоговорящему родителю ребенок упорно отвечает на местном языке... пока его не прорвет. Важную роль в таком „прорыве“ играют летние лагеря зарубежных молодежных организаций, как то Национальная Русских Скаутов, Русских Юных Разведчиков, Русских Патриотических Разведчиков, Национальная Витязей. Поскольку в таких лагерях строго запрещено говорить на ином языке кроме русского, ребенок вынужден сделать рывок и перешагнуть через психологический барьер, доселе не позволявший ему отвечать на этом языке. По возвращении из первого лагеря родитель обычно констатирует, что у такого ребенка русский язык „развязался“.

Чем побудить ребенка углубить это знание? Можно конечно ему твердить, что лишний язык откроет перед ним более широкий и доходный профессиональный горизонт. Но это — весьма шаткий фундамент; редкие дети способны вдохновиться меркантильными соображениями. Иное дело — альтруистическими. Опаленное священным огнем патриотизма сознание принадлежности к чему-то великому и вечному — России — куда более способно толкнуть ребенка полноценно окунуться в языковую стихию своей нации.

Для этого важно, чтоб ребенок не ощущал свою семью одиноким островком в море иностранной жизни, а знал, что есть другие, такие же островки составляющие пусть хилый, но однородный и гордый архипелаг. Здесь ключевым фактором является регулярное посещение богослужений, учение в русских субботних школах и опять-таки участие в летних разведческих лагерях, с их полувоеннозированной методикой. С их формой, символами, походами, ночными дежурствами и кострами, на которых поются — в некоторых лагерях изо дня в день — нравственно гальванизирующие, душу шемакинские песни „цветных полков“ Добровольческой Армии.

И еще. Ничего нет в жизни более развешивающего, чем насмешки. А насмешки непременно пускаются в ход детьми, когда в их присутствии кто-либо говорит на иностранном языке. Поэтому многие эмигрантские отпрыски стыдятся изъясняться со своими родителями по-русски в общественных местах. Однако если не побороть этот стыд, совершенно невозможно дальше развиваться в принадлежности к русской культуре. И опять-таки, только ясное и острое чувство национального достоинства, может послужить панцирем всякому измыванию: более того, может позволить ребенку в таких случаях, переходить в контратаку и опрокидывать насмешника самым действенным из приемов: подтруниванием над подтрунивающим.

Николай Казанцев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

МИТРОПОЛИТ ИОАНН

Нам пишут из С. Петербурга:

Здесь умер от инфаркта во время приема у "новых русских" митрополит Иоанн (Снычев) Санкт-Петербургский и Ладужский, второе лицо в Московской Патриархии, Родившись в Херсонской области, в крестьянской семье в 1927 году, он в ноябре 1944 был призван в советскую армию, но через несколько месяцев, по болезни, освобожден от службы и стал пономарем одного из храмов Оренбургской области. В 1948 году рукоположен во иерея. Магистр богословия, с 1969-го года — епископ Куйбышевский и Сызранский, а с 1990-го — митрополит Санкт-Петербургский.

За три месяца до его смерти бывший диссидент Глеб Якунин обвинил митрополита Иоанна в том, что он якобы "активно продолжает от имени Церкви распространять идеи антисемитизма, черносотенства, великодержавного шовинизма и политического мракобесия".

Те, кто хорошо его знал еще по пастырскому служению в Поволжье, утверждают, что митрополит Иоанн всегда честно стремился следовать правилам монашеской добродетельности и был стойким антикоммунистом. Тем не менее, в последние годы он часто повторял национал-большевические тезисы и позволял себе восхвалять Сталина.

Недаром первой на кончину митрополита откликнулась именно коммунистическая газета "Советская Россия" в статье под заголовком "Памяти мудрого друга". В этом же номере газеты в заметке "Его выстрадала наша душа" также поют дифирамбы покойному иерарху ряд лиц среди которых числятся глава КПРФ Геннадий Зюганов, редактор газеты "Завтра" Александр Проханов, Александр Руцкой, Валентин Варенников и другие коммунисты.

Выступления митрополита Иоанна в "Советской России" не раз возбуждали полемику в прессе. Уверующие же вызывали недоумение союз постоянного члена Синода с наследниками богоборческой власти.

Известный религиозный публицист Яков Кротов, откликаясь на смерть митрополита в "Независимой газете", с горечью пишет об окружении иерарха, которое якобы использовало его авторитет в своих целях. В прессе не раз звучали имена людей из окружения митрополита (в частности, называлось имя его пресс-секретаря Душенова), которые делали заявления от его имени и повидимому даже писали за него статьи для "Советской России". Митрополит Иоанн благословлял все, что говорилось и писалось от его имени.

В июне 1995 года, со страниц "Литературной Газеты" патриарх Алексей Второй публично отмежевался от второго лица в Мос-

ковской Патриархии: "Политические высказывания митрополита Иоанна являются его личным мнением. Он несет за них личную ответственность".

В сентябре в атаку на митрополита Иоанна пошли коммунисты-анти-национал-большевики. Клеймя его "странный патриотизм", анпиловец В. Бушин на страницах "Правды" укорял иерарха за "неутомимую жажду предать анафеме Октябрьскую революцию" и "лютую ненависть к советской власти и социализму".

По мнению главы Союза "Христианское Возрождение" В. Н. Осипова "почил единственный иерарх Церкви, кто бесстрашно возвышал голос за каноническую чистоту православия, за национальную христианскую государственность, единую и неделимую Россию, против международного мондиалистского заговора; замолк голос, вселявший надежду и уверенность; смолк тот, кто давал благословение на священную брань с пятой колонной Люцифера".

Похоронен митрополит Иоанн на территории Александрово-Невской Лавры.

А. В. НЕТЕСОВ

Нам пишут из Ростова на Дону:

Председатель Донского Монархического Центра А. В. Нетесов разослал местным газетам — и одна напечатала — статью под заглавием "Агония демократии", в которой он утверждает, что четырехлетний период "демократических преобразований" по степени "разрушительного воздействия на политическое, экономическое и духовное единство страны превзошел катаклизмы XX века; недаром некоторые политики гайдаровский эксперимент на живом теле России иногда именуют Третьей Мировой войной, где в роли проигравшей стороны наша страна и населяющие ее народы, в первую очередь русские".

По словам А. В. Нетесова, "теперь уже все большее число людей различного социального по-

ложения понимают, что реформы должны вписываться в национально-государственные традиции российской государственности. По этому поводу И. Л. Солоневич писал в 1953 году: "Всякая разумная программа предложенная данному народу, должна иметь в виду данный народ, а не абстрактного гомо сапиенса, наделяемого теми свойствами, которыми угодно будет наделять его авторам данной программы".

УГРОЗА СВЯТЫМ МЕСТАМ

Нам пишут из Нью Йорка:

Мировой Совет Церквей очень озабочен тем, что израильское правительство создало такие условия экономической и политической необеспеченности, что христианское население Иерусалима покидает пределы Святой Земли.

Центральный Комитет Мирового Совета Церквей, на своих недавних заседаниях сделал специальное обращение к правительству Израиля, требуя "прекращения систематической практики конфискации зданий и земель, разрушения зданий и образования новых еврейских поселений в Иерусалиме и его окрестностях".

Комиссия также подвергла критике ограничения свободы в передвижениях христиан и мусульман в пределах города.

Однако заявление не требует от членов МСЦ, чтобы они самостоятельно делали свои протесты израильскому правительству. Члены этой организации должны только "постоянно молиться и быть солидарными с христианскими общинами в Иерусалиме, для того, чтобы заручиться, что присутствие наличных христиан в Святой Земле будет продолжаться".

Тем не менее, Центральный Комитет обратился ко всем христианским общинам в Иерусалиме с беспрецедентным указанием, требовать от властей специального "юридического и политического статуса Иерусалима, который отражал бы универсальное значе-

ние Города".

Христанские представители, в своем заявлении требуют, чтобы христианским, мусульманским и еврейским общинам было предоставлено свободное право передвижений, право устраивать паломничества, свободного исповедания веры, следования своей совести и право вести религиозную, образовательную, медицинскую и благотворительную деятельность.

Генеральный Секретарь МСЦ Конрад Райзер при этом сообщил Центральному Комитету, что "Ватикан полностью осведомлен о том, что он не смеет претендовать на проведение переговоров (с израильским правительством) от имени всех христиан, и во всяком случае, от имени местных Церквей".

Почти все Святые Места находятся в ведении православных и монофизитских Церквей, которые состоят членами Мирового Совета Церквей.

Совершенно очевидно, что существованию и свободной деятельности православной Церкви и иных христианских исповеданий в Святой Земле грозит большая опасность со стороны израильского правительства, с одной стороны и Ватикана, установившего конкордат с иудаизмом — с другой.

КОРОЛЬ МИХАИЛ

Нам пишут из Бухареста:

Бывшему королю Румынии Михаилу, который пожелал присутствовать на похоронах председателя Национал-Церенистской, Христианской и Демократической партии Корнелиу Копосу, снова отказано во въезде в страну. Для согласия на приезд короля в страну румынское правительство попрежнему требует от него "ясное и недвусмысленное заявление о признании конституционного строя Румынии".

Въездная виза была однако предоставлена супруге короля — Анне де Бурбон Парма и дочери — принцессе Маргарите. Во время их пребывания в здании, где проходила панихида, окружавшая его толпа выкрикивала монархические лозунги.

ГОНКУРОВСКИЙ ЛАУРЕАТ

Нам пишут из Медона:

Политический эмигрант из бывшего Советского Союза 38-летний Андрей Макин получил самую престижную во Франции литературную награду — Гонкуровскую премию за полуавтобиографический роман "Французский завет".

Хотя денежный эквивалент премии имеет символический характер — 10 долларов, ее авторитет необычайно высок. Произведения удостоенные этой премии обычно становятся бестселлерами французского книжного рынка.

"Французский завет", четвертый роман Андрея Макина, полумистическая, полусказочная история, в которой главный герой со временем покидает Россию, чтобы начать новую жизнь во Франции.

АРЕСТЫ КАЗАКОВ В КАЗАХСТАНЕ

Бывший вельможа от КПСС, а ныне первый националист казахской республики, Назарбаев развернул очередную кампанию травли и преследования казачества. Режим личной власти, детище перестройки, дополнил теперь горбачевскую "демократизацию" откровенным апартеидом. Сегодня в Казахстане лишают свободы за одно только появление русского человека на улице в традиционной казачьей форме.

26 октября 1995 г. в городе Кокчетав были арестованы казаки Сергей Макаров и Андрей Цветков только за то, что они заступились за казачку Елену Савчину, ставшую объектом вожделений "хозяев города" — местных чеченцев. Насиловать, видите ли, можно. Вырывать у насильников жертву — нельзя.

В субботу 23 октября в Алма-Ате, при подаче документов на регистрацию в качестве кандидатов в депутаты на выборах в парламент Казахстана в помещении окружной комиссии был арестован атаман Семиреченского казачьего войска, член Совета соотечественников при Государственной Думе России Николай Владимирович Гунькин. Вместо ордера на арест атаману "предъявили" кулаки и дубинки. Известный всему Казахстану общественный деятель был схвачен специально подготовленным для таких дел подразделением ГУВД.

Тридцать первого октября в городе Талды-Курган арестован и избит "группой захвата" войсковой старшина, член атаманского правления семиреченских казаков Анатолий Григорьевич Ворожцов, которому инкриминируют... участие в казачьем сходе.

Наглый произвол этнократического режима стал возможен благодаря равнодушию и попустительству ельцинских властей. Наши чиновники палец о палец не ударили в защиту соотечественников. Дескать, суверенитет. Поделили власть, собственность и сферы влияния. Сферы глумления и бесчинства.

Владимир Осипов

Глава Союза "Христианское Возрождение"

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основанная 18-9-1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: М. В. Киреев. Редактирует коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires, Argentina. Тел. и факс: (54-1) 544-0530. За содержание подписанных материалов отвечают их авторы, чьи мнения не обязательно выражают взгляды редакции. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке ссылка на источник обязательна. Цена 1 экземпляра: Аргентина - 1,00 песо; Германия - 1,80 марок; Франция - 5 франков. США и остальные страны - 1 ам. доллар. Объявления: за 1 см. в 1 кол. - цена 7-ми экземпляров газеты. Чеки: Miguel Kireeff, for deposit only. Переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

©"NASHA STRANA"-"NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina.

Correos Argentino	Franqueo pagado. Conces. N° 4233
Sucursal 30 (B)	Interes General. Conces. N° 3980